

А. В. Востров

РУССКОЕ СООБЩЕСТВО КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА 1930-Х ГОДОВ В КНИГАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ПИСАТЕЛЯ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Дачный Карельский перешеек начала XX столетия — знаковое место русской культуры. Здесь проявились новые веяния в литературе, живописи, музыке и театре — как и новый взгляд на искусство в целом, а по мнению академика Д. С. Лихачева, Куоккала (совр. Репино) стала одной из родин европейского авангардизма¹.

«Эффект петербургских дачников», просуществовавший всего несколько десятилетий с 90-х годов XIX столетия до революции 1917 г., заключался не столько в большом количестве русскоязычного населения Карельского перешейка в летнее время, сколько в создании особой этнолингвистической культурной среды, существовавшей вблизи столицы и «подпитывавшейся» от нее. Главной предпосылкой появления этого явления стало открытие в феврале 1870 г. Финляндской железной дороги, соединившей Петербург с Великим княжеством Финляндским.

Немаловажным аспектом популярности дачного отдыха стали знаменитые дачники: И. Е. Репин, М. Горький, К. И. Чуковский, В. Э. Мейерхольд, В. В. Стасов, Ф. И. Шаляпин, Н. К. Рерих... Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях писал: «Ездили мы обычно в Куоккалу за финской границей, где дачи были относительно дешевы и где жила петербургская интеллигенция — преимущественно артистическая. <...> Я в детстве жил в Куоккале недалеко от „Пенат“ Репина. Он очень покровительствовал Чуковскому, Пуни, Анненкову, Кульбину. С семьями Пуни и Анненкова наша семья дружила. Помню Мейерхольда, красавца Леонида Андреева. Все они оригинальничали и озорничали, играли в рюхи, запускали змеев на пляже, жгли костры, увлекались фейерверками, домашними театрами, шутивными выставками»².

Перед Первой мировой войной численность отдыхающих на Карельском перешейке превышала 100 тысяч человек, а дачникам принадлежало

около 5000 домов. Хотя Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи, его автономный статус предполагал наличие границы с особыми таможенными правилами, собственной полиции, валюты... и официальных языков — традиционного шведского и народного финского. Русский язык оставался чуждым финляндцам — но только не на Карельском перешейке. Самой яркой иллюстрацией тяготения к финской природе стала реакция на желание правительства перенести границу дальше от Петербурга в сторону Выборга (из-за соображений безопасности столицы): часть русских дачников заявила о намерении владеть дачей именно на территории Финляндии³.

Начало Первой мировой войны изменило культурное пространство Карельского перешейка. Несмотря на то что многие дачники продолжали традицию летнего отдыха, дыхание войны делало его не таким безмятежным. По Финляндской железной дороге в сторону Гельсингфорса следовали составы с солдатами, в обратную сторону отправлялись составы с ранеными; началось строительство военных укреплений (например, форта Ино). Также отдыхающим запрещалось выходить в Финский залив на своих яхтах, а иногда к берегу приплывали «нежданные гости» — подводные мины.

Тем не менее культурная жизнь не затихала вплоть до Февральской и Октябрьской революций. Не затихла она и после того, как 6 декабря 1917 г. финский сейм объявил о независимости Финляндии, которую накануне Нового года подтвердил Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным. Начавшаяся вскоре финская гражданская война (27 января — 15 мая 1918 г.) окончательно разделила культурное пространство Карельского перешейка на *до* и *после*, учитывая постепенно закрывавшуюся с 1918 по 1922 г. государственную границу. Она изолировала тех дачников, кто решил остаться на своих дачах в надежде переждать революционное время; тех, кто не стремился возвращаться в «опустелый Петроград», постепенно ставший недосыгаемым.

Побережье от Оллила (сов. Солнечное) до Ваммельйоки (сов. Черная речка) превратилось в сосредоточение русской эмиграции — так называемой Русской Финляндии. Самыми известными дачниками стали, например, художник И. Е. Репин, писатель Л. Н. Андреев и, с некоторой оговоркой, художник Н. К. Рерих (уехал в 1916 г. в Сортавала для лечения). Многие дачники постепенно превращались в постоянных жителей — эмигрантов без финского и советского гражданства, но с безысходным желанием продолжать традиции прежней жизни. Исчезновение прежнего имперского города вкупе с культурными и социальными изменениями, произошедшими по обе стороны границы, привели к постепенному разрыву прежней связи и угасанию «эффекта петербургских дачников» в межвоенный период 1918–1939 гг. — до начала «зимней войны» (30.11.1939–12.03.1940).

Говоря о культурном ландшафте послереволюционного Карельского перешейка, нельзя не отметить конфликт, который намечился еще за несколько десятилетий до рассматриваемых событий. Русское влияние вступало в противоречие с местной финской культурой: до революции это сглаживалось экономическим фактором (финны сдавали дачи внаем, работали на дачников и поставляли продукты в Петербург), хотя из Гельсингфорса (Хельсинки) раздавались голоса фенноманов о пагубности подобного соседства; после революции конфликт заострился ввиду неприятия всего русского многими финляндцами. Кроме того, молодая финляндская культура стремилась развиваться вне шведской и русской культур. Другой стороной указанного конфликта стало противопоставление «своего» и «чужого» в жизни русскоязычных жителей (позднее — эмигрантов), зачастую не стремившихся «встраиваться» в чуждый им финский ландшафт.

Значительно уменьшившееся количество дачников, либо навсегда уехавших в Европу, либо оставшихся в Петрограде, либо канувших в Лету в революционное время, компенсировалось финнами, приезжавшими сюда из центральных районов страны: они либо обзаводились хуторским хозяйством, либо разбирали дачи и перевозили их в глубь Финляндии. Исключением, продолжившим традицию прежней дачной культуры, являются супруги Тито и Инна Коллиандер — финские шведоязычные писатель и художница, родившиеся в Петербурге. В 1930-е годы они жили на «Вилле Голике» в Куоккала, и у них часто гостили известные шведоязычные финские, а также шведские литераторы и художники: Р. Парланд, Э. Диктониус, Г. Экелёф, У. Энкель, Г. Бьёрлинг и другие.

Важной особенностью культурной жизни оставшихся на Карельском перешейке русскоязычных эмигрантов стала большая тяга к чтению: в Общественной библиотеке Гельсингфорса насчитывалось свыше 200 тысяч томов на русском языке, которые можно было заказать по почте (фонд формировался на протяжении столетия на основе обязательных экземпляров издававшихся в Российской империи книг); выходило несколько русскоязычных журналов (в Гельсингфорсе и Выборге); велась подписка на зарубежные журналы; существовали русские клубы и литературные кружки, устраивались концерты и театральные постановки... Наиболее крупным местным журналом был выборгский «Журнал Содружества», издававшийся в 1933–1938 гг.; также местные жители выписывали зарубежные издания: в том числе парижские «Возрождение» и «Иллюстрированную Россию» (обычно вскладчину), где печатался и Б. К. Зайцев.

Особенным явлением Перешейка стали «путешествующие лекции»: лекторы по приглашению приезжали на частные дачи, где собиралась небольшая аудитория (от 20 до 50 человек), взималась небольшая входная плата в пользу лектора. Культурная жизнь послереволюционного

Куоккала иллюстрируется «Днями русской культуры» — эмигрантским праздником, один из которых прошел в местном театре 26 июня 1935 г. с участием жителей Оллила и Келломяк (сов. Комарово).

Можно предположить, что два трагических события как будто очертили процесс угасания дачной культуры Карельского перешейка. Смерть писателя Л. Н. Андреева в 1919 г. в стенах чужой дачи на Карельском перешейке высветила начало нивелирования «эффекта петербургских дачников», а смерть вдохновителя «Пенат» художника И. Е. Репина в 1930 г. явила окончательное его загухание. Тогда путешествие писателя Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972), который провел несколько летних месяцев 1935 г. (с июля по сентябрь) в Келломяках, становится в этом ряду постскриптумом (или кодой?) прежнему времени. Вскоре «Русскую Финляндию» окончательно «разметала» Вторая мировая война.

Первая поездка Бориса Зайцева на Карельский перешеек состоялась летом 1908 г., когда вместе с женой Верой он навестил давнего друга — писателя Леонида Андреева, только что поселившегося в своей «Вилле Аванс» близ Черной речки. Следующая поездка в «край скал и озер» состоялась лишь четверть века спустя. Л. Н. Андреев к тому времени уже умер, а сам Б. К. Зайцев около десяти лет жил в Париже, уехав из России в 1922 г. Во многом случайное путешествие смогло осуществиться благодаря Антонине Кауше — дальней родственнице жены писателя. В послереволюционном вихре они нашли друг друга абсолютно случайно: в парижском русскоязычном журнале «Возрождение» Вера Зайцева напечатала заметку с благодарностью сочувствующим о кончине ее родителей, оставшихся в Москве, из которой А. Кауше узнала парижский адрес писателя. «Нина К», как ее называл Зайцев в очерках, после революции проживала в Келломяках и организовывала в своем доме творческие вечера среди бывших соотечественников — упомянутые выше «путешествующие лекции».

Так как у А. Кауше болел муж, она за свой счет поселила Зайцевых в пансионе — «немолодом, огромном доме», принадлежавшем В. Поммер и ее супругу, акварелисту и графику, П. Захарову⁴. Б. К. Зайцев описал дом в письме к писателю И. А. Бунину: «У нас две комнаты (и отдельный крытый балкон в цветах) выходят в зелень. Это была усадьба. Перед моим окном сад, яблони, цветы, дальше сосны, дорога — и море. Виден Кронштадт. Это очень волновало первое время. Теперь привыкли. Иван, сколько здесь России!»⁵

Как и многих других русских эмигрантов, чету Зайцевых особенно взволновало посещение границы: с другого берега Райяйоки (совр. река Сестра) была видна родина, с берега Финского залива в бинокль — Кронштадт. Двоякость положения — люди, говорящие на одном языке, но расположенные по разные стороны реки, ощущают друг друга чужи-

ми — оказывала на писателя сильное воздействие. Вера Зайцева в одном из писем Вере Буниной писала: «Были два раза у границы. <...> Очень все странно и тяжело, что так близко Россия, а попасть нельзя. Но люди здесь очень, очень свои. Вообще Россию чувствуешь, прежнюю»⁶.

Ощущение близкой родины пронизывало писателя, и, как он позднее признался, «стало одним из самых счастливых моментов после эмиграции». Для него привычная Россия сохранилась на Карельском перешейке, чему способствовали природа и бывшие соотечественники — «более русские», чем парижские эмигранты: «Я не думал даже, что тут так много России — в природе, складе жизни — русских, в самих людях. <...> И весь склад жизни тут русский, довоенный»⁷. Трагическую послереволюционную бинарность России — и русской литературы в частности — наиболее полно прочувствовал он именно в Финляндии: Вторая мировая война размыла ранее отчетливую границу, а Карельский перешеек вошел в состав Советской России.

Контраст с впечатлениями от первой поездки 1908 г. вышел разительным: Б. К. Зайцев по-новому взглянул на «Русскую Финляндию», и «лишь маленькая часть большой Империи» вдруг превратилась в самостоятельное пространство, наделенное родными чертами. Косвенным подспорьем подобной трансформации видится «книжный вопрос»: в парижском интервью 1940 г. писатель с восторгом говорил о библиотеке Университета Хельсинки, куда в имперское время направляли обязательный экземпляр всех выпускаемых в России книг. Ввиду развитой финской библиотечной системы с возможностью заказывать книги даже в небольшие города, недоступностью основного архива, а также частичного его разорения (и цензуры) в Советской России, эта возможность стала откровением для писателя...

Еще одной иллюстрацией «книжного вопроса» стал магазин А. Рейхе, существовавший с 1921 по 1938 год — один из крупнейших книжных магазинов русской эмигрантской Финляндии, к тому же являвшийся одной из достопримечательностей Келломяки. Кроме того, почти в каждом номере «Журнала Содружества» печатался список новых библиотечных поступлений: в сентябрьском номере 1935 г., наряду с прочими, отмечены книги И. С. Шмелева «Богомолье» и Б. К. Зайцева «Дом в Пасси». Можно предположить, что книги были переданы самим писателем во время его поездки.

Знаменитые «репинские среды» до революции привлекали в Куоккала самых видных столичных деятелей культуры и искусства — в финское время интеллектуальный градус встреч снизился, но традиция посещать «Пенаты» сохранялась. В гости приезжали не только бывшие соотечественники: художник контактировал с финскими коллегами, его посещали гости с советской стороны границы. Дом И. Е. Репина за три десятилетия стал сакральным местом культуры Карельского перешейка: хозяин

умер в 1930 г., но даже после этого «Пенаты» притягивали русских эмигрантов, финнов, шведов вплоть до предвоенной эвакуации. Посетил их и Б. К. Зайцев, отметив старания дочери художника Веры Ильиничны, «ревностно следившей за музеем»...

Пребывание писателя на Карельском перешейке стало событием для местной культурной жизни, и он прочитал ряд лекций, пользовавшихся большим успехом: по два раза в Хельсинки и Выборге, по одному разу в Райвола (сов. Рожино) и Терийоки (сов. Зеленогорск). Их тема «Русский человек в современности» звучала особенно остро среди русских «бесподданных» Финляндии, писателя-эмигранта из Парижа, «где поход на иностранцев измотал нервы русских вконец»⁸... Автор также читал прежние рассказы и главы из своего романа «Путешествие Глеба», начатого незадолго до поездки.

Б. К. Зайцев описал свои впечатления в интервью одной из парижских газет: «Лекции делали полные сборы, на них являлись наши соотечественники из местных русских колоний, в которых сильно развита интеллектуальная жизнь». Лекции освещались и в финской русскоязычной прессе, например, в «Журнале Содружества» от сентября 1935 г. (№ 9–1935) на странице 38 сообщалось: «В первой части своего сообщения докладчик остановился на жизни некоторых т. н. «эстетических» кругов русской интеллигенции в дореволюционное время. Указал на преобладающие настроения, интересы, убеждения. Затем, обрисовав положение эмиграции, он дал четкие характеристики наиболее сильных и влиятельных течений Европы: демократия, католицизм, национализм. Русским людям, — считает докладчик, — нужно многое пересмотреть и переоценить, что многие уже и сделали. Самую большую ценность и единственный верный путь для русских Б. К. Зайцев видит в православии, в православной церкви...»⁹

Эта публикация подчеркивает, что изначальной целью поездки Б. К. Зайцева являлось посещение Валаамского монастыря, находившегося в то время на финской территории. В 1927 г. писатель совершил знаковую поездку на Афон — поклонение валаамским православным святыням стало ее своеобразным продолжением. Получив рекомендательное письмо у митрополита Евлогия к валаамскому игумену Харитону, чета Зайцевых отправилась в девятидневное путешествие на северный форпост русской православной культуры. «Были на Валааме — 9 дней. Впечатление большое, ну, уж это совсем Россия, даже „Святая Русь“»¹⁰, — пишет он 16 августа 1935 г. из Келломяк в Париж писателю И. С. Шмелеву.

Описание путешествия на остров Валаам сложно считать одним из важнейших произведений Б. К. Зайцева, однако оно наиболее показательно и, возможно, «ключ» к творчеству писателя, а также представляет

картину последних лет прежней жизни Валаамской обители. «Поистине немалая страна создала монастырь. И во всем облике, духе и складе его, чем более всматриваешься, яснее видишь соединение силы с духовностью, чистотой, тишиной»¹¹ — цитата из путевого очерка «Валаам», напечатанного в журнале «Иллюстрированная Россия» в 1935 г.¹², являет не только высшее предназначение монастыря, но и свойственную писателю отсылку к дореволюционной России.

В самой книге Б. К. Зайцев практически не касается проблемы угасания монастыря (например, финские власти исподволь препятствовали укоренению православия в стране и требовали наличие финского гражданства у поступающих в монастырь; у православных финляндцев и карелов не была сильно развита традиция монашества), его будущих перспектив, но в своих письмах и очерках он говорит об этом прямо. «Все же России нет больше за ним, как нет и за Афоном. <...> Несомненно, велика угроза вымирания...»¹³ — опасения, претворившиеся в жизнь несколько лет спустя.

«Мы с Верой особенно тяжело переживаем Финляндию. Подумай, и Нина, и разные наши тамошние друзья, и Валаам... все как 20 лет назад в России! Пожалуй, и угадал я, прощаясь на последних страницах „Валаама“ с обликом Родины», — пишет он И. А. Бунину в Париже 9 декабря 1939 г., сразу после начала советско-финской войны 1939–1940 гг. В другом парижском письме к тому же адресату от 17 января 1940 г. тон еще мрачнее: «Приехали знакомые из Финляндии. Те края, где мы проводили лето 1935, — пустыня. Жители давно уведены, дома сожжены уходившими финнами — значит, от нашего пансиона, и от виллы Нины — одни фундаменты. Нынче подали письмо с Валаама, от 14 дек<абря> — первый день бомбардировки»¹⁴.

В историческом очерке «Дни», написанном о Валааме в эту же пору, им рассматривается прошлое и будущее Валаамской обители, делаются неутешительные выводы. «Судьба самой обители неизвестна <...> валаамские старцы являются заступниками за всех нас, русских, и за <...> Россию, находящуюся сейчас в стадии демонической...»¹⁵ — приговор от писателя, предпочитавшего мягкие формулировки.

Путешествие в Финляндию стало лишь коротким эпизодом биографии Б. К. Зайцева, однако и многие годы спустя он отчетливо помнил свою последнюю северную поездку. Несомненно, причиной являлось свидание с родиной — или с «островком», очень похожим на прежнюю Россию — которой ему не хватало, казалось, в привычном архипелаге «русского Парижа». Писатель подчеркивал это в своих письмах к И. С. Шмелеву от 27 августа 1935 г. («Как я Вас понимаю, дорогой И. С. [Шмелев], в Вашей тоске по России! У меня она здесь тоже возросла чрезвычайно, насколько дальше стала Франция») и И. А. Бунину от 1 сентября

1935 г. («Да, тут я понял, что очень мы отвыкли от русской природы, а она удивительна и сидит у нас в крови, никакими латинскими странами ее не вытравить»)¹⁶. Посещение Валаамской обители наполнило поездку должительным смыслом, жизненно необходимым Б. Зайцеву на чужбине.

После поездки в 1935–1936 гг. писатель опубликовал в 1940 г. цикл очерков о Финляндии («Финляндия», «Валаам», «Финский край», «Дни») в эмигрантских журналах «Возрождение» и «Иллюстрированная Россия». В них проступают знакомо-незнакомые черты Карельского перешейка, и, в частности, Выборга: «В Выборге старинная крепость, широкие улицы, великолепный бульвар, приземистые и благородные русские церкви Александровских времен. Это более чем полурусский город. Швеция и Российская империя дали ему своеобразные оттенки. В актовом зале Лицея можно почувствовать себя как бы в веке наполеоновских войн, Александра, Бернадота. Около Выборга замечательный замок семьи Нобель...»¹⁷

В другом отрывке он описывает побережье Финского залива, невольно сравнивая его с дореволюционным временем: «После страны латинской не только Валаам, но и скромные наши Келломяки, Териоки, Куоккала — все оказалось Россией. По станционной платформе гуляли чеховские девицы, за обедом в пансионе на стеклянной веранде собирались русские из Гельсингфорса, Выборга, отдыхающие летом здесь». Погружение в, казалось, навсегда ушедшее прошлое, с потерей которого писатель уже смирился, переполняло его, и он будто стремился воссоздать идеальную картину, невзирая на произошедшие перемены: «Эти сосновые леса „песчаный берег“, небыстрый, но достойный обиход жизни вокруг давали чувство мира, уклада хоть и не богатого, но налаженного и оседлого». Наполненность прошлым скрывала видимые противоречия русской и финской культур, финского полицейского надзора, постоянных сложностей скромной (зачастую — бедной) местной жизни, а ощущение надвигающейся мировой военной катастрофы уходило в тень: «Ну, конечно, мы странники, без роду-племени, а здешние сидят прочно, домовито»¹⁸.

Особого описания удостоились Келломяки и гостеприимная хозяйка Нина Кауше: «Память о вечерах келломякских связана с этой дачей среди не крупного соснового леса, в месте сухом песчаном. Доброе излучение не уходит. Оно и осталось — чрез все то лето проходит Нина К. в белой накидке своей светлым „гением местности“. Дача ее затейлива по постройке, удобна, изящна. Розы в саду, голубые сосенки, водоем, в доме зеркальная чистота, основательность: как было до войны, так и сохранилось. Все прочно, удобно, с комфортом и простоит, пока живы хозяева. Век будут дремать вещи на своих местах, тихая молодая финка, в их же доме выросшая, так же бесшумно станет обметать почти и не запыленные этажерки, столики, лампы. Паркет так же идеально будет сиять...»¹⁹

«Путешествие Глеба» представляет собой картину былой России, «сплетенную» из зайцевских воспоминаний. Однако нельзя утверждать, что тетралогия является только мемуарной прозой — это художественное произведение, художественное осмысление прошедших событий. В этом ключе «Путешествие Глеба» — квинтэссенция авторского присутствия в тексте. При чтении последней главы ее заключительного романа «Древо жизни», итоговой главы итогового художественного произведения писателя, возникает невольное ощущение окончательного прощания с дореволюционной Россией. Грустная картина Карельского перешейка — былого оазиса петербургской интеллигенции, — выраженная в том числе описанием брошенных дач²⁰, разрешается метафорой: «Слез же изгнаннических, капавших на песок, не считал никто».

Своеобразным предвосхищением угасания «Русской Финляндии» может послужить описание заброшенной дачи из финальной главы «Путешествия Глеба»: «А сама дача представляла мир *иной*. Глеб и к ней подходил, а однажды влез даже, сквозь разбитое окно внутрь, и как в огромном склепе прошелся по пустым, гулким комнатам. Поднялся на второй этаж — паутина висела в углу целым парусом. Некогда покачивалось тут на веревке тело странного персонажа предреволюции Гапона...»

В воспоминаниях Натальи Зайцевой-Соллогуб (1912–1998), дочери писателя, можно встретить следующие строки: «Папа любил говорить: „Мы — капля России“, он не мыслил себя без Родины». Наталья сумела незадолго до смерти посетить родную землю — Б. Зайцев во время финского путешествия увидел лишь границу, пересечение которой было ему заказано. Пребывание на границе с родиной наиболее отчетливо явило для писателя трагедию эмигрантской России: поиск своих культурных корней и возможность оставаться русским на чужбине. И, можно утверждать, именно эта поездка создала значительное творческое напряжение, следствием которого стали последние произведения писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович Г. Борис Зайцев // Зайцев Б. Собрание сочинений в 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь. М.: Русская книга, 2000. С. 445–457.
- Азаров Ю., Хямяляйнен Э. Хроника литературной жизни русского зарубежья. Финляндия (1918–1938) // Литературоведческий журнал. 2005. № 20. С. 271–319.
- Балащенко Ю. Картина И. Е. Репина «Финские знаменитости». Взаимодействие двух культур // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы семнадцатой ежегодной международной конференции. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. С. 260–277.

Востров А. На границе с Россией. Реминисценция финского путешествия Бориса Зайцева // Вопросы литературы. 2019, № 6. С. 221–244.

Зайцев Б. Отблески вечного. СПб.: Росток, 2018. 736 с.

Зайцев Б. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1999. 624 с.

Зайцев Б. Собрание сочинений. Т. 11 (доп.). Письма 1923–1971 гг. М.: Русская книга, 2001. 507 с.

Зайцев Б. Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). Мои современники. М.: Русская книга, 1999. 558 с.

Лихачев Д. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. 519 с.

Мусаев В. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века — 1930-е гг.). СПб.: Издательство Политехнического университета, 2007. 484 с.

Finlands svenska litteratur 1900–2012 (red. M. Ekman). Helsingfors: SLS, 2014. 376 s.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лихачев Д. Воспоминания. СПб., 1995. С. 50–51, 67.

² Там же. С. 63.

³ Мусаев В. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века — 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 81.

⁴ После закрытия в 1918 г. границы между Финляндией и Советской Россией русские могли селиться на Карельском перешейке, только если обладали здесь собственностью до революции. Здание пансиона частично сгорело в 2009 г., долгое время находилось в руинах, а в 2020 г. было разобрано.

⁵ Зайцев Б. Собрание сочинений. Т. 11 (доп.). Письма 1923–1971 гг. М., 2001. С. 93.

⁶ Зайцев Б. Собрание сочинений в 5 т. Т. 6 (доп.). Мои современники. М., 1999. С. 460.

⁷ Зайцев Б. Письма 1923–1971 гг. С. 91–93.

⁸ Зайцев Б. Отблески вечного. СПб., 2018. С. 216.

⁹ Азаров Ю., Хямяляйнен Э. Хроника литературной жизни русского зарубежья. Финляндия (1918–1938) // Литературоведческий журнал. 2005. № 20. С. 306.

¹⁰ Зайцев Б. Письма 1923–1971 гг. С. 91.

¹¹ Зайцев Б. Отблески вечного. С. 213.

¹² Одноименный книге очерк является самостоятельным текстом, подготовленным специально для журнала.

¹³ Зайцев Б. Отблески вечного. С. 214.

¹⁴ Зайцев Б. Письма 1923–1971 гг. С. 112, 114.

¹⁵ Там же. С. 334.

¹⁶ Там же. С. 92, 94.

¹⁷ Зайцев Б. Отблески вечного. С. 227.

¹⁸ Там же. С. 226.

¹⁹ Там же. С. 226–227.

²⁰ «Здесь поражают *размеры* дач. Как широко и богато в России жили!» — из письма к И. А. Бунину от 1 сентября 1935 г. (Цит. по: Зайцев Б. Письма 1923–1971 гг. С. 94).